

**ПЕРВЫЙ САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ:
ОТ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ К ПРОЕКТУ СОЗДАНИЯ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА**

В статье рассмотрены особенности гуманитарных исследований, проводившихся научными Обществами при первом Самарском университете; дана оценка их деятельности, направленной на спасение и изучение историко-культурного наследия губернии. Источниковой базой для подготовки данной работы стали коллекции архивных материалов, хранящиеся в Научном архиве Самарского областного историко-краеведческого музея имени П.В. Алабина, архиве Пугачевского краеведческого музея имени К.И. Журавлева и Центральном государственном архиве Самарской области, а также публикации членов Обществ.

Деятельность научных Обществ при университете рассматривается в контексте основных тенденций развития социокультурной жизни региона в первых десятилетиях XX в. Прежде всего, она обусловлена возникновением и становлением в Самаре историко-краеведческого движения; появлением в городе научных кадров высокой квалификации; формированием в послереволюционной России (в том числе и в Самаре) мощного краеведческого движения, образно названного С.О. Шмидтом «золотым десятилетием российского краеведения»¹. В конце 1920-х гг. академик С.Ф. Ольденбург писал о нем как об уникальном общероссийском явлении: «Это массовое, научно-культурное движение, возникшее сразу после 1917 г., до конца еще не оценено»².

Основателями и участниками первого научного Общества при университете стали оказавшиеся в Самаре по разным причинам профессиональные ученые, преподаватели высшей школы. Среди них особо следует выделить академика В.Н. Перетца, командированного из Петрограда для организации нового вуза и, в частности, историко-филологического направления в нем³. Именно он возглавил возникшее в ноябре 1917 г. в Самарском педагогическом ин-

* © Дубман Эдуард Лейбович (dubmane@mail.ru), доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва.

ституте Историко-филологическое общество (далее ИФО), действовавшее вплоть до 1923 г.⁴ Доклады, звучавшие на его заседаниях, относились в основном к области «чистой» классической науки — истории, филологии, литературоведения. Но характерно, что в своих выступлениях и исследованиях представители «столичной» науки, оказавшиеся в Самаре — В.Н. Перетц, А.С. Башкиров, М.Н. Тихомиров и другие, — обращались и к региональным источникам (рукописям, старопечатным книгам, археологическим артефактам и т.д.)⁵. Так, Перетц, занимаясь изучением местной коллекции рукописных и старопечатных книг, подготовил на высоком научно-методическом уровне их описание⁶. Профессиональный археолог А.С. Башкиров создал при историко-филологическом факультете университета Семинарий Археологии и Искусств, сыгравший огромную роль в организации специальной библиотеки и учебно-показательных коллекций археологического, исторического, художественного и других направлений, для обучения студентов на настоящих подлинных артефактах. Башкиров одним из первых получил Открытый лист на исследование археологических памятников и в мае 1919 г. совместно с геологом П.Н. Ефимовым организовал учебно-научную экскурсию (фактически экспедицию) для студентов по местам поселений болгар в Симбирской и Казанской губерниях⁷. Помощниками Башкирова по Семинарию были студенты университета М.М. Кобылина⁸ и М.К. Каргер⁹, позднее ставшие известными учеными.

Собственно, краеведческая тематика, да и то изредка, стала проявляться только в поздний период деятельности Общества, когда преподавателями университета и его членами становятся известные самарские краеведы П.А. Преображенский и Н.А. Архангельский.

Отметим, что проводившиеся в рамках «классической» науки исследования членов ИФО в глубоко провинциальной, не имеющей соответствующего губернской столице культурного общества, Самаре не могли получить сколько-нибудь серьезного развития. В 1917-1918 гг. в городе сложилось два замкнутых, почти не пересекавшихся друг с другом, круга лиц — местных краеведов, любителей старины и культуры, объединенных в Самарское археологическое общество, и «приезжих» преподавателей-гуманитариев университета.

Очевидно, что их сближение началось в созданных новыми властями учреждениях для спасения и использования историко-культурного наследия, в частности, в Комитете по заведыванию город-

ским музеем. В его работе принимали участие как преподаватели университета (академик В.А. Перетц, профессора Е.И. Тарасов, А.В. Багрий, А.С. Башкиров), так и местные краеведы (П.А. Преображенский, С.А. Хованский, В.В. Гундобин, В.А. Егоров, А.В. Кольшикин, Н.А. Архангельский и др.). Занимаясь практическими вопросами, преподаватели университета смогли осознать всю глубину катастрофы, постигшей культурные ценности и объекты Самарской губернии в годы революции и гражданской войны¹⁰.

2 ноября 1919 г. на объединенном заседании членов Самарского археологического общества¹¹ и преподавателей Историко-филологического факультета было решено учредить Общество Археологии, Истории, Этнографии при университете (с мая 1922 г. — Общество Археологии, Истории, Этнографии и Естествознания¹²). Данное Общество и его комиссии (археологическая, историческая, этнографическая, библиографическая и другие) стали тем учреждением, которое занялось как научными исследованиями, так и непосредственно спасением историко-культурных ценностей в самарском регионе.

К созданию структуры ОАИЭиЕ и организации его деятельности преподаватели университета и местные краеведы отнеслись со всей гражданской и научной ответственностью людей, отчетливо осознававших первостепенные задачи послереволюционного времени. В составе руководства Общества был достигнут удачный баланс представителей всех сторон, участвовавших в его создании. Его председателем был избран С.А. Башкиров. Затем, после отъезда Башкирова, ОАИЭиЕ руководили ректор университета П.П. Фридолин (1922-1923), В.П. Арапов (1923-1928) и П.А. Преображенский (1928-1930). Первым товарищем председателя бессменно оставался П.А. Преображенский, вторым — С.А. Хованский. Последнего в 1922 г. сменила В.В. Гольмстен. Ученым секретарем был избран П.Н. Ефимов, а с 1924 г. — В.В. Гольмстен. Помимо самарского центра начали создаваться отделения Общества в уездных городах.

В уставных документах ОАИЭиЕ была поставлена его основная цель — научное исследование края. При этом подразумевалась еще одна, не менее важная задача спасения историко-культурного наследия Самарской губернии. Для их осуществления необходимо было создать коллектив квалифицированных специалистов. Видимо, основатели Общества посчитали, что студенты университета не совсем подходили для этой работы, да и их обучение занимало много

времени. Для подготовки новых кадров В.Н. Перетц предложил открыть при ОАИЭиЕ Археологические курсы. Он же подготовил проект их последующего преобразования в Археологический Институт. Очевидно, именно Перетц первым заявил о возможности и необходимости организации в Самаре учреждения, занимавшегося научными исследованиями, практической работой по спасению и изучению историко-культурного наследия и подготовкой квалифицированных специалистов¹³.

Первоначально обучение на открытых 23 марта 1920 г. курсах предполагалось проводить в течение полугода, однако в сентябре слушатели попросили о продлении занятий. В результате с 1 октября 1920 г. курсы были переименованы в «Высшие Этнолого-Археологические курсы», получили новый учебный план и расширенную программу. Лекции слушателям читали преподаватели университета и представители местного культурного общества¹⁴.

Трудности в работе Самарского университета проявились уже в начале 1920-х гг. Вскоре в нем было ликвидировано историко-филологическое направление, преподаватели которого практически полностью покинули город (в том числе уезжают В.Н. Перетц, А.С. Башкиров, М.Н. Тихомиров, Н.Ф. Лавров). В обзоре деятельности Общества за 1919-1925 гг., опубликованном в первом выпуске изданного им Бюллетеня, его история делится на 2 этапа: первый — «организационный» (1919-1922 гг.), когда работы велись широким фронтом и в них совместно участвовали преподаватели университета и местная интеллигенция, и второй, когда город покинуло большинство сотрудников университета и исследовательские работы общества приобрели в основном «чисто краеведческий характер». С этого времени, за исключением археологического направления, историко-краеведческие исследования представителей местной интеллигенции стали основными в деятельности ОАИЭиЕ¹⁵. Такое «любительское краеведение» развивалось с самого начала возникновения ОАИЭиЕ, но на первом этапе оно в определенной степени корректировалось присутствием в городе крупных ученых, использованием научной методики, связями с академическими и университетскими центрами Москвы и Петрограда.

ОАИЭиЕ вплоть до конца 1920-х гг. являлось главным и практически единственным центром, в котором происходило развитие историко-краеведческих исследований в Самаре и губернии¹⁶. Интересна тематика докладов, прозвучавших на заседаниях Общества в 1919 — начале 1925 гг. Из них общенаучный характер носили — 15;

освещали вопросы, «связанные с жизнью восточных областей Союза», — 10; а местные самарские сюжеты рассматривались в 23¹⁷. Таким образом, доклады краеведческой проблематики (и тем более краеведческого уровня) составляли не менее половины всех прозвучавших на заседаниях Общества. После ликвидации историко-филологического направления в университете эта тенденция получила дальнейшее развитие.

К наиболее активным исследователям краеведческого направления относились Н.А. Архангельский («Из истории с. Державина, Бугурусланского у.»; «Из истории борьбы с молоканством в Самарской губ.»; «Материалы к истории г. Самары»; «Преобразование слободы Мечетной в г. Николаевск и слободы Чертанлы в г. Новоузенск»; «Перестройка удельных имений в 30-40-х годах прошлого столетия в южной части Самарской губ.»); П.А. Преображенский («Древности Рождественской волости»; «Старая Самара»; «Черты крепостного быта в Самарской г.»¹⁸); М.Н. Тихомиров («К истории колонизации Самарского края»; «Аксаковский архив»; «Рукописи Иргизских монастырей»); А.С. Говоров («Возникновение земледельческих поселений в Заволжских степях»; «Первый самарский краевед (П.И. Рычков)»; Н.Н. Яковлев («Художник Репин и местный край»¹⁹).

За исключением М.Н. Тихомирова, все остальные докладчики являлись представителями местного самарского общества. Этот список, как писали его составители, далеко не полностью отражал ситуацию, сложившуюся в научно-исследовательской деятельности Общества, но в целом он достаточно верно показывает тенденции ее развития²⁰. Таким образом, в Обществе сложился достаточно узкий круг людей, основные научные занятия которых лежали в области историко-краеведческой тематики. Необходимо упомянуть еще одного исследователя, активно работавшего в ОАИЭИЕ (в середине 1920-х гг. он даже стал его членом) — краеведа, историка, палеографа, профессора Саратовского университета А.А. Гераклитова. Не получив специального образования, он смог вырасти в крупного ученого, оставившего заметный след в ряде областей исторической науки и местного краеведения. Гераклитов близко был знаком с П.А. Преображенским, хорошо знал состояние дел в ОАИЭИЕ, рецензировал работы местных краеведов, написал несколько очень интересных, основанных на архивных источниках работ по истории Самарского края²¹.

Вклад всех этих людей в изучение и спасение историко-культурного наследия, воплощение в реальность принципов «золотого десятилетия самарского краеведения» трудно переоценить. Но вместе с тем в их работах, посвященных истории и этнографии Самарского региона, отчетливо проявлялся «краеведческий» уровень исследования, описательность, отсутствие навыков научного анализа; слабое знакомство с методикой исторической науки того времени. По классификации современного исследователя русской провинциальной историографии В.А. Бердинских труды самарских краеведов можно отнести к группе «научно-исследовательских историко-краеведческих работ»²². Но термин «научные» для большинства работ указанных исследователей имеет весьма условный характер. Краеведы (прежде всего местные) имели весьма смутное представление о научной проблематике / разработке интересующих их проблем, степени их изученности, методах источниковедческого анализа и т. д.

На наш взгляд, ближе к истине мнение А.А. Гераклитова, который, характеризуя работы крупнейшего самарского историка-краеведа этого периода П.А. Преображенского, писал: «Как и “Очерки” эта работа²³ не представляет самостоятельного изучения вопроса на основании первоисточников, а лишь сводку доступного автору печатного материала»²⁴.

Несмотря на то, что в Уставе ОАИЭиЕ было особо указано на «...изучение духовной и материальной культуры прошлого и настоящего народов, населяющих Самарский край и прилегающие к нему области, содействие в распространении знаний»²⁵, а курсы при Обществе назывались «Этнолого-Археологическими», этнографические исследования членов ОАИЭиЕ проводились на любительском краеведческом уровне. На заседании Общества в 1924 г. особо отмечалось, что данное направление работало слабее других из-за отсутствия специалистов. Нельзя не согласиться с мнением современных этнографов, считающих, что «подойти к каким-либо научным обобщениям теоретического характера ученым ОАИЭиЕ не удалось по причине отсутствия специалистов-этнографов; такая задача, как правило, и не ставилась перед исследователями. Это был этап накопления знаний в этнографическом краеведении»²⁶.

Вместе с тем в научной деятельности ОАИЭиЕ ряд направлений выполнялись на высоком научном уровне. Прежде всего это относится к изучению рукописных и старопечатных книг, отдельных коллекций документов, проводившемуся в Самаре В.Н. Перетцом,

М.Н. Тихомировым²⁷ и отчасти В.П. Андриановой-Перетц²⁸. Речь идет не только о кабинетных исследованиях отдельных высококвалифицированных ученых, но и о проведении археографических экспедиций (в частности, в иргизские монастыри) и полевых работах²⁹. К сожалению, в рамках деятельности Общества не сложилось источниковедческой школы изучения русских средневековых документов, рукописных и старопечатных книг. После отъезда указанных выше ученых в Самаре не нашлось продолжателей этой работы, требующей особой квалификации.

Еще одним направлением, которое, по словам современных исследователей, было поставлено «на научный столичный уровень», являлось музейное дело. Конечно, следует отметить заслуги в его становлении А.С. Башкирова, но особо значимое место принадлежит здесь В.В. Гольмстен, принявшей музейное дело у Башкирова осенью 1922 г., после его отъезда в Москву, и заведовавшей вплоть до 1929 г. двумя музеями — Самарским губернским и «археологическим» при ОАИЭиЕ. При организации музейного дела она использовала навыки музееведения, полученные во время своей предшествующей работы в ГИМ(е). Хранение материалов, выставочная работа, описи предметов и инвентарные книги полностью соответствовали требованиям столичных музеев³⁰.

Мы не будем специально останавливаться на рассмотрении деятельности членов Общества, направленной на спасение архивов, коллекций документов, книг и создание условий по их сохранению и использованию. Масштабы этой работы трудно переоценить. Примером ее являются известные иргизские и «аксаковские» экспедиции М.Н. Тихомирова, гигантский труд К.П. Головкина по составлению «краеведческой картотеки» и т.д.³¹ Отметим, что в этой охранно-спасательной деятельности, несмотря на существенную помощь членов ОАИЭиЕ, была велика роль государственных учреждений. Для определения научно-методического уровня данной работы нужны дополнительные исследования³².

Но прежде всего как пример действительно научных, широко-масштабных и системных исследований следует отметить археологические изыскания членов Общества.

Принципиальное изменение в подходах к изучению древнейшего прошлого Самарского края наблюдается с осени 1920 г., после посещения Самары представителем Центральной археологической службы, крупнейшим российским археологом В.А. Городцовым. По поручению Наркомпроса он совершил поездку по ряду приволжс-

ких городов (Ярославль, Нижний Новгород, Симбирск, Самара, Саратов, Уфа и др.), где предложил под руководством Центра разработать и приступить к выполнению единого общероссийского плана археологических исследований. Согласно плану в проведении работ выделялось два этапа. На первом предполагалось проведение «меридиональных и широтных маршрутов», закрывающих всю восточноевропейскую территорию. В процессе выполнения этого этапа исследований намечалось подготовить новый план для проведения сплошного археологического изучения отдельных территорий³³.

В каждом городе, который посетил Городцов, проводились специальные заседания, где обсуждались уставы губернских обществ, разрабатывались планы археологических работ; в музеи передавались инструкции для «расстановки» и хранения археологических коллекций³⁴. В Самаре 19 декабря 1920 г. проект Городцова обсуждали на заседании ОАИЭиЕ. Взяв за основу предложенную центром концепцию, товарищ председателя П.А. Преображенский представил свое видение археологических работ, которое и стало на десятилетие основой работ археологической экспедиции.

С 1921 г. начинается отсчет планомерного изучения территории губернии. Из 13 выданных Москвой российским археологам «Открытых листов» 3 были заказаны членами Самарского ОАИЭиЕ. Наиболее ярко о масштабности исследований свидетельствуют их результаты за 1925 г. по обследованию северо-востока Самарского Заволжья. Под руководством В.В. Гольмстен экспедиция в составе 10 человек за 40 дней, со 2 июня по 10 июля 1925 г., провела рекогносцировочное обследование территории площадью около 16 500 км². В результате было выявлено 36 поселений, 10 городищ, 235 «мест находок», 400 курганов, 7 могильников, 3 «места отдельных погребений».

Остальные экспедиционные сезоны были менее масштабны, проводились небольшими отрядами, но то, что удалось сделать за указанное десятилетие, трудно переоценить. Отметим, что археологические работы проводились на высоком научном уровне. Участники полевых работ использовали уникальные для того времени измерительные приборы: буссоли, экскеры, пантометры и т.д.

К концу 1929 г. была впервые археологически обследована значительная часть территории губернии (в основном в пределах современной Самарской области). В итоге археологи ОАИЭиЕ смогли выявить и картографировать около 1200 археологических объек-

тов. Были зафиксированы и описаны сотни памятников. В.В. Гольмстен и ее сотрудникам удалось создать общую схему расселения древних людей в различные эпохи, определить основные археологические культуры региона и дать их материальные характеристики. Многие выявленные артефакты получили отражение в публикациях и были введены в научный оборот. Именно они явились важными экспонатами в археологическом отделе краеведческого музея. Ряд положений и выводов впоследствии пришлось уточнять и перепроверять, но полученные и хранящиеся в фондах материалы позволяли это сделать. На Высших Этнолого-Археологических Курсах было подготовлено несколько выпусков специалистов, многие годы поддерживавших культуру Самары. Стали известными российскими археологами А.И. Тереножкин, А.А. Марущенко, О.С. Хованская.

Первый Самарский университет окончательно завершил свою историю в 1927 г. Идея организации научно-исследовательского института исчерпала себя еще раньше с ликвидацией историко-филологического направления. Ненадолго пережило университет и ОАИЭиЕ. 24 марта 1929 г. на Окружном Краеведческом съезде было доложено о его реорганизации в Самарское Научно-Краеведческое общество. Новое общество должно было решать иные задачи социалистического строительства, и в нем состояли совершенно другие люди.

Думается, что самарское историческое краеведение в труднейший период истории Самарского края являлось уникальным явлением и сыграло важнейшую роль в складывании традиции изучения, в том числе и научного, родного края. Во многом этому способствовала уникальная творческая и просто дружеская атмосфера, царившая в Обществе, особенно в первый период его истории. В письме к П.А. Преображенскому близкий ему человек писал, исходя из содержания послания из Самары: «Очень радуюсь, что Археолог. Об-во представляет уголок, где можно попользовать душу и даже иногда повеселиться»³⁵.

Примечания

¹ Шмидт С.О. «Золотое десятилетие» советского краеведения // Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 1. М., 1990. С. 11.

² Обращение акад. С.Ф. Ольденбурга к III Всероссийской конференции по краеведению // Известия Центрального краеведческого бюро. 1927. № 10. С. 351.

³ Колпаков А.И. Первый университет в Самаре. История высшей школы. Книга вторая. Самара, 2007. С. 37, 133.

⁴ Ученые записки Самарского государственного университета (УЗ СГУ). Вып. 1. Самара, 1918. С. 26-27.

⁵ Так, в 1917-18 учебном году состоялось 10 заседаний общества. См.: УЗ СГУ. Вып. 1. Самара, 1918. С. 6-12, 18-42; Перетц В.Н. Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотеки и музея и Минских собраний. М., 1934; Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919; Отчет о деятельности Историко-Филологического общества при Самарском Университете за 1919–1920 учебный год // Известия Самарского государственного университета (Известия СГУ). Вып. 3. Самара, 1923. С. 118-119, 121; Отчет о состоянии Педагогического Факультета Самарского Государственного Университета за 1922/23 уч. год // Известия СГУ. Вып. 5. Самара, 1923. С. 4-5.

⁶ Соболев В.С. Отчет академика В.Н. Перетца о своей деятельности в первые годы революции (1918–1923) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1992. Т. 45. С. 30-33.

⁷ Жуков Ю.Н. Неизвестный документ о деятельности В.А. Городцова // Советская археология. 1985. № 4. С. 268-269; Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 558. Д. 46. Л. 19. Протокол конференции ОАИЭиЕ от 10 апреля 1921 г.

⁸ Впоследствии крупный специалист в области античной археологии, возглавлявшая Фанагорийскую археологическую экспедицию. Характерно, что преемником Кобылиной на должности руководителя экспедиции стал ее ученик, начинавший студентом в Самарском государственном университете (затем перешедший в МГУ), В.Д. Кузнецов.

⁹ Известный ученый, занимавшийся археологией и архитектурой Древней Руси. Профессор, заведовал кафедрой (с 1949 г.) истории искусства исторического факультета ЛГУ.

¹⁰ Зудина В.Н. Музейное строительство // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения / сост. Э.Л. Дубман, В.Н. Зудина; под науч. ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара, 2008. С. 309, 312.

¹¹ В основном это были представители местной интеллигенции и служащие. По подсчетам Е.Ю. Семеновой, они составляли 69% всех членов САО. См.: Семенова Е.Ю. Культура Поволжья в годы первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.). Самара, 2007. С. 33.

¹² Для удобства далее мы будем использовать сокращение ОАИЭиЕ.

¹³ К сожалению, этот проект не удалось найти. Скорее всего, В.Н. Перетц предлагал вариант получивших широкое распространение в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Археологических

институтов, которые занимались научно-исследовательской работой и готовили специалистов-практиков по археологии, архивоведению, археографии, этнографии и другим близким дисциплинам. В послереволюционный период в ряде регионов, например в Саратовской губернии, были попытки создать такие институты. См., например: Скиданов М.Е. Краеведческое движение 1920-х гг. в Саратовской губернии как явление общественной и научной жизни: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 62-65.

¹⁴ Зудина В.Н. Археологические изыскания // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения. С. 18.

¹⁵ Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания при Сам. Гос. Ун-те. (Бюллетень ОАИЭиЕ). № 1. Самара, 1925. С. 2.

¹⁶ Деятельность Истпарта и изучение революционной истории Самары и губернии, на наш взгляд, все-таки является несколько иным направлением, которое должно изучаться отдельно.

¹⁷ К ним мы причисляем также доклады по археологической, этнографической и естественнонаучной проблематике.

¹⁸ Кроме того, он в 1920 г. прочитал доклад «К истории башкирского землевладения».

¹⁹ Общество археологии, истории, этнографии и естествознания при Сам. Гос. Унив-те (История и деятельность) // Бюллетень ОАИЭиЕ. Вып. 1. Самара, 1925. С. 4-6.

²⁰ Там же.

²¹ Среди них необходимо выделить статью, посвященную истории освоения Самарского Правобережья мордовским населением (См.: Гераклитов А.А. Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы // Известия Нижне-Волжского института краеведения. 1929. Т. 3) и особенно основанную исключительно на материалах Печатного приказа большую работу «Самара и Самарский уезд в XVII в. (по записным книгам Печатного приказа)», к сожалению, так и не опубликованную при жизни автора. См.: Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1. Д. 72. В настоящее время она полностью опубликована (См.: Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2 / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана. Самара, 2006).

²² Бердинских В.А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 269-281.

²³ Речь идет о следующих, наиболее крупных работах: Преображенский П.А. Очерк истории Самарского края. Самара, 1919; Его же. Колонизация Самарского края // Известия Самарского сельскохозяйственного института. Самара, 1923. Т. 1. Кн. 1.

²⁴ Краеведение. 1924. № 4. С. 488.

²⁵ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 558. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

²⁶ Ведерникова Т.И. Этнографическое направление // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие самарского краеведения». С. 185.

²⁷ Перетц В.Н. Рукописи библиотеки Московского университета, Самарских библиотеки и музея и Минских собраний. Л., 1934; Тихомиров М.Н. Описание рукописей Иргизских монастырей. Самара, 2017.

²⁸ Кажется странным, что отсутствуют сведения о научных исследованиях работавшего в то время в Самаре и участвовавшего в создании ОАИЭиЕ Н.Ф. Лаврова (он числился, как и М.Н. Тихомиров, в исторической комиссии) — выпускника Петербургского университета. Впоследствии он проявил себя как крупный организатор науки, выдающийся специалист в изучении древнерусских летописных и законодательных источников. См.: *Вовина-Лебедева В.Г. Лавров Николай Федорович*: [Электронный ресурс]. URL: http://www.spbiiran.nw.ru/lavrov_n_f.

²⁹ См., например: Тихомиров М.Н. Доклад о поездке в Иргизские монастыри М.Н. Тихомирова с 31 мая по 17 июня 1919 г. // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. С. 79-101.

³⁰ Зудина В.Н. Музейное строительство // Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 5. «Золотое десятилетие самарского краеведения». С. 321; Иванушкина С.А., Кабытов П.С. Деятельность В.В. Гольмстен по сохранению историко-культурного наследия Самарской губернии. 1919-1929 гг. // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 224-234.

³¹ Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2; Классика самарского краеведения. Антология. Вып. 3. Головкин К.П. Самара в конце XVIII — начале XX вв. (краеведческая картотека) / Сост.: Г.В. Галыгина, Э.Л. Дубман, П.С. Кабытов; под научной редакцией П.С. Кабытова и Э.Л. Дубмана. Самара, 2007; др. работы.

³² Черкасова М.В. Спасение архивов // Классика самарского краеведения. Антология. Выпуск 5. «Золотое десятилетие» самарского краеведения. С. 226-245; Ее же. Становление и развитие государственных архивов в 1918-1938 гг. (на материалах Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2008.

³³ Пряхин А.А. История Советской археологии. Воронеж, 1986. С. 77.

³⁴ Жуков Ю.Н. Неизвестный документ о деятельности В.А. Городцова // Советская археология. 1985. № 4. С. 268-271.

³⁵ ЦГАСО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 21. Л. 13.